

работе, что, безусловно, не соответствовало уровню его профессиональной компетенции и квалификации.

По этому поводу Александр Мелентьевич писал: «В 1961 году исполнилось около 25 лет моей литературной деятельности в Москве, а в так называемой «большой прессе» едва ли насчитывается 25 статей, заметок, рецензий на мои книги. Конечно, я не знаю отзывов областных газет (до меня случайно дошли 2-3), но меня с полным правом можно назвать писателем-невидимкой!»

Один из самых популярных и любимых детских писателей оказался за бортом большого корабля «Советская детская литература»! К счастью юные читатели по-прежнему восторженно относятся к творчеству любимого писателя!

СИМВОЛЫ ЖИЗНИ

Автор «Угрюм-реки» и «Емельяна Пугачёва», родившийся в Тверской губернии, Вячеслав Шишков душой и сердцем прикипел к Алтаю, к Сибири, воспел их. Недаром в одном из писем он признался: «Большинство моих произведений посвящено этой очаровательной стране и её энергичным, трудолюбивым, честным людям».

Копилка памяти

В автобиографии Вячеслав Шишков писал: «Мой дед со стороны отца — помещик Бежецкого уезда Дмитрий Алексеевич Шишков, а бабушка — его крепостная крестьянка села Шишковой Дубровы».

Сельцо это в 25–30 домов под названием Дуброво поныне стоит в 12 километрах от города Бежецка Тверской области. Елизавета Даниловна, бабушка будущего писателя, нажила от помещика Дмитрия Шишкова сына Якова и дочь Александру. А когда помещика женили «на ровне», гражданская супруга ушла из его дома, поселившись в крестьянском доме в селе Шишкова Дуброва. Воспитывала детей, которым отец дал свою фамилию, одна.

Первенец в семье её сына Вячеслав, которого родные звали Вестенькой, часто гостил у Елизаветы Даниловны. Много позже он вспоминал: «Я очень любил бабушку и любил деревню». А ещё любил слушать из её уст русские сказки и легенды, которые позже переплавились в сюжеты произведений известного русского, советского писателя.

После окончания Вышневолоцкого училища кондукторов путей сообщения Вячеслав приобрёл редкую специальность устроителя водных путей, грунтовых и шоссейных дорог. Однако случайная встреча впечатлительного юноши с отцом Иоанном Кронштадтским, позже признанного христианским святым, едва не изменила его жизненный путь. Он принялся проповедовать христианские запове-

ди, о чём потом написал в автобиографии так: «И я занялся спасением народа. Из скудного своего жалования я покупал беднякам сапоги... В свободное от работы время, глубокими вечерами и праздниками, я ходил в окрестных деревнях, собирал народ в избы и поучал от Евангелия. Бабы плакали. Слава моя крепла... Моё апостольство закончилось большим для меня конфузом: я влюбился в красивую молодую бабу, притом же замужнюю. Тут я понял, что праведником в девятнадцать лет быть очень трудно».

Родители стали поговаривать о женитьбе Вячеслава на дочери богатого бежецкого купца Смирнова, но молодой инженер объявил, что намерен поехать в Сибирь.

Дед по матери, узнав о его решении, говорил внуку: «Погибнешь ни за грош в этой глухомани, комары съедят, медведи задерут. Сибирь — каторжное место». Но Вячеслав Шишков был непреклонен. Техник, а затем инженер Томского округа путей сообщения, занимавшийся обследованием рек, провёл в Сибири многие годы, совершив служебные экспедиции по Иртышу, Оби, Бии, Катуню, Енисею, Чулыму, Лене, Нижней Тунгуске и Ангаре.

В 1911 году на Нижней Тунгуске, захваченный неожиданными морозами, едва не погиб. 40 дней члены экспедиции, которую он возглавлял, плутали без дорог, преодолевая сугробы. Их спасли от гибели местные тунгусы, выведя на Ангару к железной дороге.

Кстати говоря, именно Вячеслав Шишков был первым исследователем, добравшимся до места падения в 1908 году неизвестного космического тела, впоследствии названного Тунгусским метеоритом.

Позже в автобиографии он отмечал: «За своё двадцатилетнее пребывание в Сибири я вплотную столкнулся с её природой и людьми во всём их любопытном и богатом разнообразии. Я видел всяческую жизнь простых людей. Я жил бок о бок с ними, нередко ел из одного котла и спал под одной палаткой. Перед моими глазами прошли многие сотни людей, прошли неторопливо, не в случайных мимолётных встречах, а в условиях, когда можно читать душу постороннего, как книгу. Каторжники, сахалинцы, бродяги, варнаки, шпана, крепкие кряжистые сибиряки-крестьяне, новосёлы из России, политическая и уголовная ссылка, кержаки, скопцы, иногородцы — во многих из них я пристально вглядывался, и образ их сложил в общую копилку памяти».

«Я люблю Алтай крепко»

Недавно, перелистывая в краевом госархиве подшивку газеты «Жизнь Алтая», я обнаружил в номере за 12 мая 1913 года сообщение: «Вчера на пароходе «Владимир» в Барнаул и на пароходе «Скромный» отбыл в Бийск далее начальник партии по исследованию Чуйского тракта В.Я. Шишков. Он произведёт осмотр Чуйского тракта на всём расстоянии, то есть от Бийска до селения Кош-Агач.

В середине мая из Томска выезжает на работы и остальная часть партии, состоящая из 10 техников и нескольких рабочих. Партия будет работать на две груп-

пы. Из коих одна пойдёт из Бийска к Онгудаю, другая — ей навстречу из Кош-Агача. В задачу партии входит производство подробной съёмки существующего тракта и придорожной полосы в масштабе 50 саженей в 0,01 сант. и двойной нивелировки.

На основании добытых данных будет разработан проект полного переустройства Чуйского тракта. На работы первой очереди в 1914 году будет отпущено от казны 200.000 рублей. Стоимость же всех работ по переустройству определится лишь по составлению проекта».

Так инженер Шишков приступил к одному из главных дел в своей профессии — составлению проекта Чуйского тракта. Его воплотят в жизнь лишь через 20 лет после начала изысканий, к середине 1930 годов. Значительная часть тракта проляжет там, где он указал — по правобережью Катуня, где дорогу проложили без мостов и переправ. Не как прежде — через село Алтайское, а через Майму, затем, выйдя у Усть-Семы на левобережье Катуня, вдоль Чуи — до границы с Монголией.

Он и прежде бывал на Алтае. В 1904–1905 годах Вячеслав Шишков исследовал водный путь на Чарыше, летние сезоны 1909–1910 годов провёл, заведая партией по научному исследованию реки Бии, выше города Бийска до Телецкого озера.

Девяносто два листа полупрозрачной кальки плана Бии поныне находятся в Центре хранения архивных фондов Алтайского края. Несколько лет назад на эти раритеты наткнулся писатель Василий Гришаев, восхитившийся качеством чертежей, исполненных в шесть цветов туши. На них нанесены глубины реки на различных удалениях от берега, фарватер, скорость течения, протоки, бомы, перевозы, пороги и даже отдельные камни, которые могли бы помешать судоходству.

Бригада проектировщиков Чуйского тракта

**Писатель и проектировщик
Вячеслав Шишков**

Однако важнее иное. Именно Алтай дал толчок Вячеславу Яковлевичу для занятий литературным творчеством. 18 июля 1910 года он опубликовал в томской газете «Сибирская жизнь» путевой очерк «Любителям красот природы». Восхищённый Алтаем, автор предлагает читателю стать участником путешествия: «Рекомендую проплыть на плоту всю Бию или хоть наиболее живописную часть её до Турочака... Тут перед вами

одна за другой развернуты в красивую сказку сочные, искрящиеся радостью картины её берегов, музыка порогов и шивер будет по-своему пленять ваш слух, бешеный пробег по порогам, когда плот то зарывается в рокочущий вал, то взлетает над поверхностью воды, даёт пищу вашим нервам, и всё это, вместе взятое, создает сильное неизгладимое впечатление».

Чуйский тракт. Вид с горы

Многие ранние произведения писателя написаны по алтайским впечатлениям, на алтайском материале: очерки и новеллы «По Чуйскому тракту», «Чуйские были», рассказы «Страшный кам», «Алые сугробы», роман «Ватага» и другие.

Живое существо природы

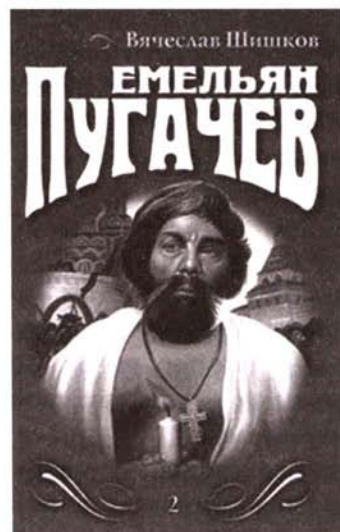
Однако воспринимать Шишкова как сентиментального наблюдателя природных красот было бы совсем неверно. Реки, горы, звери, тайга не просто присутствуют во многих его произведениях, но нередко являются одушевлёнными. Силы природы властно вмешиваются и в судьбы героев его литературных произведений.

Кто-то из критиков заметил, что образ Угрюм-реки вынесен Вячеславом Шишковым в заглавие не случайно, — как Тихий Дон у Михаила Шолохова, или Соть у Леонида Леонова. Название знаменитого романа от несуществующей Угрюм-реки — собирательное. Автор писал по этому поводу: «Угрюм-река не просто река, — нет такой. Угрюм-река есть Жизнь. Так и надо читать».

Но разве писатель, который обязан призывать советских людей к светлому будущему, может называть жизнь угрюм-рекой?! Шишкову, конечно, досталось за эту «упадочническую» позицию. Недаром не принял «Угрюм-реку» классик соц-реализма Максим Горький, прежде восторгавшийся его творчеством.

Вячеслав Яковлевич в июне 1933 года писал литературоведу Павлу Богословскому в ответ на добрые слова о новом романе: «Похвал за «Угрюм-реку» мне никаких не будет: я лично не знаком с И.В. Сталиным, не служаю М. Горькому, вообще — веду себя так, что, не имея высоких общественно-говорильно-ораторских заслуг, не сумел, видимо, заслужить к себе благорасположения «критиков».

Угрюм-река в тексте романа — не просто реальный водоём с красивыми пейзажами, а живое существо, символ времени и жизненного пути, самой жизни. «Угрюм-река всё ещё продолжала быть капризной, несговорчивой. В её природе — нечто дикое, коварное. Шиверы, пороги, перекаты, запечки, осерёдыши.

Книги писателя

А время шло не останавливаясь. Парус у времени крепок, пути извечны, предел ему — беспредельный в пространстве океан».

Накануне отправления в трудное путешествие по Угрюм-реке старец Никита Сунгалов напутствует героя романа Прохора Громова и его друга Ибрагима-Оглы: «Плывите, не страшитесь, реку не кляните, она вас выведет. Река — это жизнь!»

На Алтае Шишкова интересуют не только красоты. Он — внимательный наблюдатель, тонкий исследователь и меткий, порой едкий, жёсткий бытописатель, мудрый наставник.

В очерке «Путешествие от Бийска до Муюты через с. Алтайское» он отмечает: «А село как на ладони сделалось — «сразу поднесли его», — всё в кудрявых деревьях, красивое издали, но обычное и своим названием, и неряшливостью улиц».

Но в следующем абзаце — без перехода: «Алтай всё надвигается и надвигается, идёт на вас. Горы стыдливо закрыты голубыми фатами. Целомудрием от них веет издали, непорочной чистотой. Тройка ваша бежит вперед, а Алтай всё ближе становится. Горы сбрасывают одну за другой воздушные пелены, прекрасную наготу свою открывают, чаруют вас, обещают, что-то сулят. Вблизи перед вами увал-гора. Изукрашена волей человека — всё в коврах. Чернеет чёрными коврами, желтеет жёлтыми коврами, зеленеет лугами зелёными».

А вот какие наблюдения приводит Шишков в очерке «По Чуйскому тракту»: «И что за город Бийск? И какой там голова сидит? Что за бийские улицы, что за отвратительная, невообразимая грязь. Богатый, разжиревший на монгольских хлебах го-

род, не может устроить себе сносных условий жизни. Улицы — сплошная топь, вонь, мерзость, азиатчина. Дороги мостятся щепой, навозом, дохлыми костями, опорками, пимами... Надо по постным дням по всем улицам городского голову в телеге возить — авось одумается, авось догадается сделать заём, да вымостить город... Граждане! Вы принялись и притерпелись, но свежему человеку в вашем городе невыносимо».

А признание в любви нашему региону он выразил такими словами: «Я люблю Алтай крепко, с каждым годом любовь моя растёт, и не знаю, чем возьму Алтаю ту радость и счастье, которым он меня наделяет каждый день, каждую минуту».

Бюст писателя на Чуйском тракте

Эта фраза на русском и алтайском языках выбита на торцевой стороне памятника выдающемуся писателю и землепроходцу Вячеславу Шишкову, открытого в 1973 году на 118 километре Чуйского тракта, неподалёку от села Манжерок. Памятник писателю имеется также на его родине в городе Бежецке, мемориальные доски установлены в Бийске, Москве и Санкт-Петербурге. В Бежецке, селе Ербогачён Иркутской об-

ласти и в Томске открыты музеи Шишкова. Его именем названы улицы в Бийске и в Томске, библиотека — в Барнауле, гимназия — в Бежецке. Несколько теплоходов получили имя «Вячеслав Шишков». Регулярно проводятся международные, всероссийские и алтайские краевые Шишковские чтения. По произведениям писателя снято несколько художественных и телевизионных фильмов, композитор Даниил Френкель написал оперу «Угрюм-река».

«Иных страстей не знал»

Вячеслав соприкоснулся с литературным творчеством, будучи подростком. По заданию преподавателя словесности гимназии он ярко описал деревенское утро, затем сочинил «разбойничью повесть» «Волчье логово». «С тех пор, вплоть до самого зрелого возраста, — указывал Шишков в автобиографии, — я литературой не занимался, и мне не приходило в голову, что я буду писателем».

После очередной экспедиции на Алтай, изобиловавшей яркими впечатлениями, Вячеслав Яковлевич, по собственному его признанию, почувствовал, как его «потянуло писать, совершенно неожиданно и неудержимо». В 1908 году в томской газете «Сибирская жизнь» была опубликована его сказка «Кедр» — о силе и мощи величественного дерева, укрывающего под своей сенью пернатых от хищников. «Мне было 35 лет, — вспоминает Шишков, — но, когда появилась в печати моя вещица, я радовался, как ребёнок». Теперь он много пишет, публикует, в том числе и в газете «Жизнь Алтая», рассказы и путевые очерки, в которых фиксирует яркие впечатления о людях и природе Сибири.

Осенью 1916 года Шишков последний раз посещает Барнаул, хлопоча о переустройстве Чуйского тракта по его проекту. Вскоре он переедет в Петроград, чтобы навсегда оставить изыскательскую деятельность и профессионально заняться литературным трудом. Почти четверть века в бесчисленных поездках по Сибири он не расставался с блокнотом. Поэтому с полным правом говорит о месте творчества в его судьбе так: «Вся жизнь моя была в литературе, иных страстей не знал».

А страсти кипели. Как в личной жизни — он много работал как писатель и общественный деятель, был трижды женат, — так и вокруг него, где совершались революции и войны, происходили социальные катаклизмы, появлялись новые явления, исчезали эпохи и люди. Сына купца и внука помещика, счастливо миновали репрессии. Автора публицистических произведений, конечно, не раз громили критики. В оккупированном фашистами городе Пушкине (ныне Царское Село) погибли почти все его рукописи, архивы и личные вещи. А в Ленинграде (ныне — Санкт-Петербург), где пожилой блокадник умирал от истощения, нашли способ отправить его на «большую землю». Он откликался на многие важные события, много ездил по стране. Писал о Гражданской войне, противостоянии крепкого мужика и лентяя, боролся словом с фашизмом, топчущим советскую землю.

Портрет Вячеслава Шишкова
из музея в Бежецке

И с ним боролись...

В романе «Ватага», основанном на реальных алтайских событиях, Вячеслав Шишков изобразил красных партизан последними головорезами. Прототипом их вожака стал житель села Жуланиха нынешнего Заринского района, командир партизанского отряда Григорий Рогов. Алтайские партизаны ворвались в город Кузнецк, где убили больше половины жителей — священника распилили пилой, женщин — насильовали, мужчин загнали в деревянную церковь, а затем её подожгли. Разве такой роман ждала власть от советского писателя?!

Разве могли смолчать критики, когда в повести «Дикольче» крепкий хозяин Ксенофонт Ногов на спор меняется имуществом с лентяем и пьяницей Колченовым, который в итоге приводит в полный упадок образцовый хутор Ногова, а тот — в полный порядок хозяйство Колченогова. Недаром Вячеславу Шишкову, наряду с поэтами Сергеем Клычковым и Николаем Клюевым приклеивали ярлыки «кулацкого писателя» и «литературного вредителя».

Вячеслава Яковлевича включают в состав литературной бригады, в задачу которой входит написание очерков о Беломорско-Балтийском канале имени Сталина. Но среди авторов одноимённой книги о перековке бывших крестьян и священнослужителей принудительным, зэковским трудом, не оказалось его имени. Спустя годы вдова Шишкова, Клавдия Михайловна, скажет: «Потому ничего не стал писать, что понимал — «там убивают людей».

Шишков проявил и яркий, редкий талант сатирика, написав за свою творческую жизнь свыше полутора сотен «шутейных рассказов». Они выпали из поля зрения нынешних литературоведов, но удивительно современны. А разве нет теперешних аналогов мурлу «свежего» капитализма в России рубежа XIX–XX веков, показанному писателем в романах «Угрюм-река», «Тайга», «Пейпус-озеро»?!

ве не актуальна сегодня цитата из «Угрюм-реки»: «У капитала один закон: рви, грабь, хапай всё, что плохо лежит. Все они облизываются на сдобный сибирский пирог, все остряют клыки на сибирское золото, масло, лес, рыбу».

Несмотря на радикальные изменения общественного строя, смену идей и кумиров многие произведения Вячеслава Шишкова удивительно современны. Перечитайте их!

ИСТОРИЯ ПАРТИЗАНСКОЙ ПЕСНИ

Удивительна судьба известного человека, биография которого также связана с Алтаем. Пётр Парфёнов сумел совместить в себе таланты поэта-песенника, писателя, историка, военного деятеля, дипломата, руководителя крупного российского государственного ведомства и партийного функционера.

Фейерверк событий, перемен, должностей

Пётр Парфёнов родился 12 июня 1894 года в селе Никольское Белебеевского уезда Уфимской губернии (теперь это Башкирия). В молодости скитался в поисках работы. Ещё до революции его родители с многочисленными детьми переехали на Алтай.

Вот что вспоминал об этом его брат Егор Парфёнов, проживавший на станции Гилёвка (записано с его слов 7 мая 1974 года сотрудником Завьяловского районного музея Александром Фартышевым): «В 1913 году наш отец Семён Васильевич и наша мать Парасковья Николаевна, посоветовавшись, отправили отца ходоком в Сибирь искать добрых мест для жизни. Подыскав место, мы всей семьёй из 13 человек, приехали, поселились в посёлке в четыре двора Угловском. А через год купили в соседнем посёлке у старожилы Марковедом. Впоследствии наши посёлки соединились, и люди стали называть наш посёлок по имени отца Семёновским.

Тогда было в посёлке дворов 20. Жили бедно. Приходилось работать в работниках, даже просить подаяние. Но постепенно обжились, подрастали братья и сёстры. Особенно лучше стали жить при Советской власти. Нам хорошо помогал Пётр.

В 1924–1925 годах построили большой дом. Место у нас было весёлое. Усадьба под берёзовым

Пётр Парфёнов